

Инга Томан

**История культуры московских немцев
в памятниках архитектуры столицы. XVIII-начало XX века**

Москва испокон веков была многонациональным городом. Об этом напоминает ее топонимика (Армянский переулок, Большая и Малая Грузинские улицы, Большая Татарская улица, улица Маросейка, Шведский тупик, переименованная в Бауманскую Немецкая улица и др.), а также многочисленные памятники архитектуры. Они хранят память о своих создателях, о людях, живших и бывавших в них, о событиях, свидетелями которых они стали. И все же в Москве очень мало зданий и мест, связанных исключительно с историей одной национальной диаспоры. Каждый памятник напоминает нам о совершенно разных судьбах, соединившихся в одном художественном пространстве. Немало исторических зданий в Москве так или иначе связано с немцами. Тем не менее ни одно из них нельзя назвать исключительно "немецким". Они связаны также с русской культурой и культурой других народов Москвы. Однако в рамках данной статьи будет рассмотрена прежде всего их "немецкая история".

Первые достоверные сведения о живущих в Москве немцах относятся к XV веку. Однако в средневековой России так нередко называли всех выходцев из Западной Европы, ибо они считались «немыми», не умеющими говорить по-русски. Среди «немцев» преобладали уроженцы германских земель, и немецкий подчас являлся для них языком межнационального общения. В XVI веке выходцы из Западной Европы жили, преимущественно компактно, в различных

районах Москвы: близ нынешних Спасоналивковских переулков (слобода Наливки); в Замоскворечье в районе бывших Спасоболвановских (ныне первого и второго Новокузнецких) переулков; недалеко от Серпуховской площади. При Иване Грозном была создана Немецкая, или Иноземная, слобода на Яузе, где жили пленные, захваченные во время Ливонской войны. В 1578 году она была сожжена; восстановили ее при Борисе Годунове. В 1610 году Немецкая слобода была снова сожжена войсками Лжедмитрия II, после чего ее жители поселились ближе к центру города. В первой половине XVII века выходцы из Западной Европы имели дома в районе Покровки, нынешней Мясницкой улицы и Чистого (в то время Поганого) пруда.

Охотно пользуясь услугами иностранных специалистов (военных, купцов, ремесленников, врачей, аптекарей), власть имущие стремились оградить простых людей от западного влияния. Особенно недовольно было православное духовенство соседством иноверческих церквей. В 1643 году были закрыты лютеранские церкви в Белом городе; Соборное уложение 1649 года запретило иноземцам покупать дворы в пределах Земляного города. В 1652 году была основана Новая Немецкая слобода на Яузе, куда были выселены практически все выходцы из Западной Европы, не принявшие православие.

Во второй половине XVII века это был небольшой западноевропейский город среди России. Жители носили европейское платье; здания строились в соответствии с европейской архитектурой. Здесь находились две лютеранские, реформатская и католическая церкви. Обитатели Немецкой слободы жили, насколько это было возможно, в соответствии с принятыми на родине обычаями, и их

свободные нравы, непринужденность в общении и активность привлекали юного Петра I, который был частым гостем в Немецкой слободе. Именно здесь получил он первые представления о Европе и европейском образе жизни.

При Петре I закончилась искусственная изоляция Немецкой слободы. Иноземцы получили право жить в любом районе Москвы. Вместе с тем на территории Немецкой слободы стали селиться русские. В 1812 году Немецкая слобода почти полностью сгорела, что ускорило отток из нее немецкого населения. В XIX-начале XX века немцы предпочитали селиться вокруг Петропавловского евангелическо-лютеранского храма, в районе улицы Маросейка, Космодамианского (ныне Старосадского) и Колпачного переулков (6,4% населения), между Чистопрудным бульваром и Земляным валом (5,9%) и в районе Мясницкой улицы (5,3%). На территории же бывшей Немецкой слободы их было не намного больше, чем в других районах Москвы (1,6%-2,5%).

До революции немцы являлись самой многочисленной национальной диаспорой Москвы, и их число постоянно увеличивалось. В 1912 году для 21286 москвичей (из 1617700) немецкий был родным языком. При этом для значительной части московских немцев национальная и конфессиональная принадлежность не играли первостепенной роли ни в самосознании, ни в выборе круга общения, ни даже при создании семьи. Многие московские немцы заключали браки с представителями других национальностей и прежде всего с русскими, зная, что их дети, даже имея немецкую фамилию, будут считать себя русскими и, в соответствии с законами Российской империи, принадлежать к православной церкви. Однако для них, как

правило, личные качества человека были превыше его вероисповедания и национальности и, соответственно, сами они стремились более к самореализации и осуществлению своих жизненных целей (что возможно было лишь интегрировавшись в русскую среду), нежели к сохранению традиций.

Немцы сыграли заметную роль в культурной и экономической жизни нашего города. Архитектурный облик старинной Москвы, особенно конца XIX-начала XX века, во многом сформирован немецкими архитекторами. Однако самое, пожалуй, главное – их нравственное влияние на современников и потомков. Вспомним «святого доктора» Ф.П.Гааза; основателя первой в Москве школы для слепых детей Г.Г.Дикгофа; основателя школы для глухонемых И.К.Арнольда; великую княгиню Елизавету Федоровну (бывшую принцессу Гессен-Дармштадтскую)... Значение деятельности немецких ученых не исчерпывается их конкретным вкладом в науку. Многие из них (например, Г.-Ф.Миллер, династия Фишеров фон Вальдгеймов, Х.Лодер) подавали пример честного и самоотверженного служения науке, воспитывая уважение к ней в российском обществе.

В начале Первой мировой войны закончилась история культуры московских немцев. В мае 1915 года в Москве произошел немецкий погром. Многие немцы уехали или были высланы из Москвы (если они числились германскими подданными). После Октябрьской революции продолжалось сокращение численности немецкого населения; в августе 1941 года почти все немцы были высланы из Москвы в Сибирь или Казахстан (исключения допускались для женщин, которые были замужем за русскими); назад смогли вернуться единицы. В настоящее время в Москве можно встретить немало потомков московских немцев;

обычно это люди, считающие себя русскими, однако дорожащие памятью о своих немецких предках. Что касается нынешних московских немцев (как свидетельствует последняя перепись, в 2010 году их насчитывалось 4817), то подавляющее большинство из них – потомки поволжских немцев, высланных в 1941 году в Сибирь или Казахстан.

1.Религиозные и светские объединения московских немцев

1.1. Евангелическо-лютеранская церковь святых апостолов Петра и Павла

Старосадский переулок, 7 - евангелическо-лютеранская церковь святых апостолов Петра и Павла (1905, В. фон Коссов); часовня (1900, Ф.-А.Шехтель); дом Петропавловской общины(1879, А.Е.Вебер)

Для людей, оторванных от земли предков, своя церковь на чужбине имеет особое значение. Она является для них не только местом общения с Богом, но и хранительницей родного языка и национальной культуры. На протяжении трех столетий для большинства московских немцев евангелическо-лютеранская церковь была главным просветительным и культурным центром. Здесь они приобщались к Высшему через родной язык, встречались и устанавливали дружеские и родственные связи, здесь их дети получали образование. По переписи Москвы 1902 года, около 85% московских немцев принадлежали к евангелическо-лютеранской церкви (14879 из 17676).

Первая лютеранская церковь была построена в Москве в 1576 году. Вскоре ее разрушили по приказу Ивана Грозного вместе с

близлежащими домами иноземцев. В 1601 году, при Борисе Годунове, ее восстановили; тогда же впервые упоминается существовавшая при ней школа. Вторая церковь была построена в 1640-е годы. В середине XVII века оба храма оказались в Немецкой слободе за Яузой. В 1686 году была освящена каменная церковь святого Михаила (находилась между нынешними улицами Бауманской и Радио и Новокирочным переулком), а в 1695-м – Петропавловская. В 1812 году церковь Петра и Павла (как и почти вся Немецкая слобода) сгорела, и когда встал вопрос о восстановлении, община высказалась за перенос ее в центр города, где к тому времени жила большая часть прихожан. В 1817 году общиной был куплен участок земли между Колпачным и Космодамианским (ныне Старосадским) переулками, на котором в 1819 году была сооружена церковь. В 1862 году ее реконструировали. 18 декабря 1905 года было торжественно освящено новое здание храма, построенное по проекту Виктора фон Коссова.

После Октябрьской революции многие прихожане евангелическо-лютеранских церквей уехали из России, однако, несмотря на трудности, церковная жизнь в обеих общинах шла своим чередом. Это стало возможным благодаря энергии епископа Теофила Майера, однако главная заслуга в сохранении лютеранской церковной жизни в Москве на протяжении 20 лет советской власти принадлежит рядовым членам общины. Они работали в советских учреждениях, а их дети ходили в советские школы, однако в своих семьях они сохраняли традиционный бытовой и религиозно-нравственный уклад. Несмотря на официальную пропаганду, частная жизнь как старшего, так и подрастающего поколения была неразрывно связана с церковью. Она встречала человека на пороге жизни и

проводила его в последний путь; благословляла браки и давала начальное религиозное образование подросткам, воспринимавшим конфирмацию не как диссидентство, а как нечто само собой разумеющееся. Однако дни обеих общин были сочтены.

В 1928 году была снесена церковь св.Михаила, а в 1936-м арестовали последнего пастора Петропавловской храма Александра Штрека, который был расстрелян вместе со многими своими прихожанами. На этом история евангелическо-лютеранской церкви в Москве прервалась на 55 лет. В разоренном здании храма находился кинотеатр «Арктика», затем студия «Диафильм»; в 1957 году был разобран шпиль собора.

Возрождение храма началось в 1991 году. Петропавловская евангелическо-лютеранская община получила свидетельство о регистрации, и в соборе, где еще находилась студия «Диафильм», прошло первое богослужение. Первым постоянным пастором Петропавловской евангелическо-лютеранской общины стал Гуннар фон Шлиппе, служение которого продолжалось с 1992 по 1994 год. При нем была отреставрирована часовня, где стали проходить богослужения. В июле 1992 года постановлением Правительства Москвы общине было передано здание собора, где в 1995 году начались реставрационные работы.

18 декабря 2005 года, в день столетия первого освящения, епископ Зигфрид Шпрингер совершил повторное освящение престола. Начало церемонии ознаменовал звон колоколов, подаренных московской общине лютеранами города Рейдта (Мёнхенгладбах, Германия), а во время богослужения зазвучал орган, изначально принадлежавший московским лютеранам. Он был построен фирмой

В.Зауера во Франкфурте-на-Одере в 1898 году для церкви св.Михаила. После ее закрытия в 1928 году орган оказался в 1-м московском крематории на Донском кладбище. В 1996 году он был передан общине; демонтаж и перевозка органа была осуществлена пастором Д.Р.Лотовым и мастером В.Я.Иодисом. В 2005 году фирма Рейнхард Хюфкен из Хальберштадта провела капитальный ремонт органа. 30 ноября 2008 года состоялось освящение собора, а в январе 2010-го был полностью восстановлен шпиль. В настоящее время в соборе регулярно проводятся богослужения на русском и немецком языках и концерты классической музыки.

1.2. Московские немецкие школы при евангелическо-лютеранских церквях

Петроверигский переулок, 10 – мужская гимназия и реальное училище при Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви (1913, О. фон Дессин)

Колпачный переулок, 10– женская гимназия при Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви (1892, А.Е.Вебер)

Новокирочный переулок, 4 – реальное училище при евангелическо-лютеранской церкви святого Михаила (1905, Т.Я.Бардт)

История немецкой школы в России начинается одновременно с историей российских немцев. Большинство из них принадлежало к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию, а для протестантов церковь и школа – понятия неразделимые. Посещение школы является для них необходимым этапом человеческого бытия, промежуточной

ступенью между крещением и конфирмацией. Главная и первоначальная задача школы заключалась в том, чтобы дать детям религиозно-нравственное воспитание и научить их чтению для самостоятельного изучения Библии.

Евангелическая церковь изначально была заинтересована в распространении образования среди всех слоев населения. В 1524 году Мартин Лютер обратился к властям германских городов с призывом организовать общедоступные школы. В 1642 году правитель герцогства Саксен-Гота Эрнст Благочестивый ввел у себя всеобщее начальное образование. Впоследствии оно было распространено и на другие германские государства.

Немецкие школы основывались не только в Германии. Куда бы ни забрасывала немцев судьба, они всегда стремились объединиться и организовать обучение детей. С XVII по начало XX века немцы имели свои церкви и школы в России, и благодаря богослужению и обучению на родном языке они в течение 300 лет сохраняли вдали от исторической родины язык и культуру.

Первое упоминание о немецкой школе в Москве относится к 1601 году. В ней учились дети разных национальностей и вероисповеданий, жившие в Немецкой слободе. Со временем из скромной церковной школы выросла целая система учебных заведений, сосредоточенных, главным образом, вокруг Петропавловского храма. Во второй половине XIX-начале XX века при нем были мужская гимназия и реальное училище, женская гимназия, школы для мальчиков и девочек для подготовки в эти учебные заведения и начальные школы, дававшие законченное образование детям малоимущих членов Петропавловской общины. При Михайловской лютеранской церкви было реальное

училище. Кроме того, обе лютеранские и реформатская общины содержали Школу для бедных детей и сирот евангелических вероисповеданий и Александровское евангелическое училище.

Школы при Петропавловской церкви пользовались большим авторитетом среди москвичей. Многие русские родители стремились обучать там своих детей, ибо знали, что ее выпускники получают основательные знания по всем предметам и в совершенстве овладеют немецким языком, необходимым в то время и для предпринимательской, и для научной деятельности. Во второй половине XIX-начале XX века русские составляли около трети учащихся Петропавловских гимназий и реального училища.

В 1879 году Министерство народного просвещения издало «Положение о мужском училище, состоящем при евангелическо-лютеранской церкви в Москве». В соответствии с ним оно было разделено на гимназию и реальное училище, программа которых соответствовала программам государственных аналогичных учебных заведений. В 1880 году женское Петропавловское училище получило статус женской правительственной гимназии. В результате их выпускники получили те же права, что и выпускники аналогичных русских учебных заведений: после окончания мужской гимназии – без экзаменов поступить в университет, а после окончания женской гимназии – стать домашней учительницей или преподавать в начальной школе.

Основным языком преподавания, вплоть до Первой мировой войны, был немецкий. По-русски преподавали Закон Божий для православных, русский язык и историю российской словесности, а также историю и географию России.

Большинство преподавателей учебных заведений при евангелическо-лютеранских церквях были немцами.

Преподавателями «русскоязычных» предметов были русские учителя; французский язык преподавали, как правило, французы; английский (в реальном училище) – англичане. Для «русскоязычных» предметов использовались учебники, употребляемые в средних учебных заведениях России; для «немецкоязычных» – немецкие учебники.

Одни из них были изданы в Германии и предназначались для германских средних учебных заведений, другие были написаны учителями российских немецких школ и изданы в России.

1. 3. Евангелические благотворительные учреждения

Гороховский переулок, 17– приют Евангелического попечительства о бедных женщинах и детях (1888, М.К.Геппенер)

Переулок Обуха (бывший Грузинский), 5 – Евангелическая больница (1905, О. фон Дессин)

Старосадский переулок, 7– здание Петропавловской евангелическо-лютеранской общины(1879, А.Е.Вебер), где собирались члены Евангелического общества юношей и Евангелического общества попечения о девицах

Яузский бульвар, 9 – Евангелический лазарет в клинике Отто фон Шимана, действовавший в годы Первой мировой войны(1897, С.Ф.Воскресенский)

Главная особенность благотворительной деятельности евангелических общин (обеих лютеранских и реформатской) состояла в том, что она была направлена на создание условий, позволяющих

неимущим и лицам с ограниченными возможностями встать на ноги, найти работу и достойное место в социуме. В связи с этим значительная часть средств шла на образование и воспитание. Широкий размах благотворительной деятельности, распространявшейся также и на представителей других конфессий, объясняется не только тем, что среди членов евангелических общин было немало состоятельных людей, но и участием в ней подавляющего большинства прихожан. И это неудивительно. Все евангелические образовательные и благотворительные учреждения и общества издавали ежегодные отчеты о своей деятельности, включавшие подробные сведения о доходах и расходах. Таким образом, жертвуя на богоугодное дело заработанный тяжелым трудом рубль, человек знал точно, что он не будет украден или потрачен не по назначению.

Евангелическое попечительство о бедных (Евангелическое общество помощи) было основано московскими протестантами в 1847 году. В 1854 году на собранные ими средства была открыта богадельня; в 1875 году под ее кровом обитало 90 человек. Евангелическое попечительство о бедных женщинах и детях (Женское евангелическое общество) начало работу в 1857 году. Первоначально оно взяло на себя заботу о сиротах, живших во флигеле евангелической богадельни. В 1887 году для приюта было построено здание в Гороховском переулке; воспитывалось там около 40 детей. При попечительстве имелось бюро для подыскания работы, швейная мастерская, лазарет, фонд дешевых квартир. Нуждающимся выплачивались пенсии и пособия.

Евангелическая больница была основана московскими протестантами в 1883 году и первоначально была рассчитана на 12 коек. Со временем количество пациентов увеличивалось, и в 1905 году

для больницы было построено специальное здание. Стоимость пребывания в больнице зависела от условий содержания, но неимущих лечили бесплатно; они также бесплатно посещали амбулаторию при больнице и получали лекарства. Евангелическая больница принимала всех, без различия вероисповедания и национальности. В 1911/12 гг. состав ее пациентов был следующим: 929 православных, 330 протестантов, 70 католиков, 49 иудеев, 18 старообрядцев, 11 армян-католиков, 2 мусульманина, 2 караима. Вместе с тем почти весь медицинский персонал принадлежал к немецкой национальности.

В конце XIX-начале XX в. в Москве действовали молодежные евангелические общества. Они предназначались для оказания материальной и духовной помощи молодым людям, приехавшим в Москву в поисках заработка. Евангелическое общество юношей было основано в 1879 году, Евангелическое общество попечения о девицах – в 1894-м. При них имелись общежития и бюро для подыскания работы. Для членов обществ устраивались общеобразовательные лекции, музыкальные вечера. Юноши занимались гимнастикой, совершали загородные прогулки; девушки вместе рукодельничали и читали вслух.

1.4. Светские объединения московских немцев

Улица Пушкинская (Софийка), 9– это здание арендовал Немецкий клуб в 1865-1914 гг.

Улица Большая Дмитровка, 1– здание Благородного собрания(1770-е гг., М.Ф.Казаков), где с 1825 по 1865 гг. устраивались мероприятия Немецкого клуба и два раза в год проводились концерты московского немецкого хорового общества "Лидертафель"

Никольская улица, 17– ресторан «Славянский базар» (1875, А.Е.Вебер),

где еженедельно собирались на репетиции члены Лидертафеля Цветной бульвар, 5 (1887, Б.В.Фрейденберг) - здание было специально построено для Московского немецкого гимнастического общества Леонтьевский переулок, 5 – типография А.И.Мамонтова (1872, В.А.Гартман), где с 1900 по 1913 год находилась редакция и типография «Московской немецкой газеты» Большой Кисельный переулок, 11(1904, А.В.Иванов) – в 1907-1913 гг. одну из квартир этого дома арендовало Московское немецкое общество; здесь же находилась его библиотека Рождественский бульвар, 14(нач. XIX века, Э.Ф.Маттерн; 1870, А.Н.Стратилатов) – в 1908-1913 гг. это здание, где ранее находился литературный салон К.К.Павловой (см. следующий раздел), арендовала школа Московского немецкого общества ул. Маросейка, 13(1913, Э.-Р.Нирнзее) – в 1917-1918 гг. в одной из квартир этого дома находилось бюро Московского Союза русских граждан немецкой национальности

В XIX веке появляются светские объединения московских немцев. Первым был Немецкий клуб, открывшийся в 1819 году. С 1830 года в него стали принимать русских, и вскоре они уже составляли больше половины членов. Однако в клубе сохранялся немецкий колорит: часто звучала немецкая музыка, из Германии приглашались актеры и музыканты. Проводились здесь и мероприятия, вошедшие в историю русской культуры. В 1883 году в нем была организована выставка В.В. Верещагина. В 1891 году в его помещении устраивались спектакли Общества искусства и литературы. Здесь К.С.Станиславский поставил пьесу Л.Н.Толстого «Плоды

просвещения», имевшую колоссальный успех. Этот клуб, фактически превратившийся в русско-немецкий, долгое время был самым популярным в Москве. В середине XIX столетия его ежегодно посещали 62 тысячи человек. Значительная часть доходов от мероприятий Немецкого клуба шла на благотворительные цели. Кроме того, клуб выплачивал пенсии своим неимущим членам и, в случае их смерти, членам их семей.

Впрочем, во второй половине XIX века Немецкий клуб славился не только своими культурными мероприятиями и благотворительной деятельностью, но и шумными скандалами, и разорительной карточной игрой. Предписание Устава 1819 года о том, что «каждый сочлен может вводить в клуб гостей с ручательством за их поведение (...) и дам, но не женщин с дурной репутацией», не очень тщательно выполнялось. Героиня рассказа А.П.Чехова «Знакомый мужчина», вспоминала, например, о своем незадачливом кавалере, "которому она однажды за ужином в Немецком клубе вылила на голову стакан пива». А вот свидетельство В.А.Гиляровского: «В Немецком клубе на маскарадах, в «убогой роскоши наряда», в трепаных домино «замарьяживали» с бульвара пьяных гостей, а шулера обыгрывали их в карточных залах». Карточный зал в Немецком клубе выглядел так: «Десяток круглых столов; по 10-12 игроков сидят за каждым, окруженные кольцом стоящих (...). На дамах бриллианты, из золотых сумочек они выбрасывают пачки кредиток. (...) Тут же сидят их кавалеры, принимавшие со стороны участие в их игре или с нетерпением ожидающие, когда дама проиграется, чтобы увезти ее из клуба».

В 1914 году Немецкий клуб был переименован в «Славянский», а в 1918-м – ликвидирован.

Исторические корни московского немецкого мужского хорового общества «Лидертафель» находятся в Берлине. Здесь в 1809 году композитор, дирижер и педагог Карл Фридрих Цельтер основал мужской любительский хор «Лидертафель», что в дословном переводе означает «песенный стол». Вскоре аналогичные сообщества появились в других городах Германии, а затем и в Российской империи. В 1833 году «Лидертафель» был основан в Риге, в 1840-м – в Петербурге, в 1861-м – в Москве. Инициаторами и организаторами его были пианист из Вены Антон Доор, преподававший впоследствии в Московской консерватории, и трое московских предпринимателей: Иоганн Карл Книрим, Вильгельм Бахманн и Вильгельм Лютер. Уже в 1862 году в «Лидертафеле» насчитывалось 107 членов. В последующие годы их число неизменно росло, а в 1913 году в Москве было уже 494 лидертафельца.

Члены «Лидертафеля» делились на «активных» и «пассивных». Активными назывались те, кто посещал еженедельные репетиции и участвовал в концертах; пассивными (которых было раза в два больше) – те, кто платил членские взносы и получал приглашения на все мероприятия. В 1896 году при «Лидертафеле» была основана Школа пения, посещение которой являлось обязательным для новых членов.

Среди лидертафельцев почти полностью отсутствовали профессиональные музыканты. Ими были лишь дирижеры (да и то не все). Большинство же являлось владельцами торговых и промышленных заведений.

Еженедельно активные члены «Лидертафеля» собирались на репетиции. Три раза в год все лидертафельцы встречались на семейных вечерах, на которые приглашались дамы, и два раза в год – на «вечерах

господ», где собиралось исключительно мужское общество. Основным местом всех мероприятий был ресторан «Славянский базар».

Главными событиями в жизни «Лидертафеля» были концерты, устраивавшиеся два раза в сезон. Обычно они проводились в Малом зале Благородного собрания, однако в 1912/13 и в 1913/14 гг. концерты «Лидертафеля» состоялись в Большом зале Московской консерватории.

Концерты «Лидертафеля» включали не только произведения для мужского хора, но и вокальные номера, исполнявшиеся дамами (нередко родственницами лидертафельцев), а также произведения для фортепиано, скрипки или камерного оркестра. В концертах «Лидертафеля» принимали участие Ф.К.Гедике и А.Ф.Гедике, К.Н.Игумнов, А.Б.Гольденвейзер, А.А.Крейн и другие известные музыканты. Постоянными гостями концертов «Лидертафеля» были один из основателей Московской консерватории К.К.Альбрехт, директор музыкально-драматического училища Московского филармонического общества А.М.Брандуков, директора Московской консерватории В.И.Сафонов (1889-1906) и М.М.Ипполитов-Иванов (1906-1922), основатель Российского музыкального издательства дирижер С.А.Кусевицкий. В 1896 году, во время коронационных торжеств, хор "Лидертафеля" дал концерт для царской семьи в Ильинском, имении великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Федоровны, во время которого была исполнена кантата одного из его участников – бухгалтера Теодора Эккерса.

Главное место в репертуаре «Лидертафеля» занимала современная музыка, а именно песни немецких и австрийских композиторов-романтиков – Ф.Абта, К.Вебера, М.Гауптамана, К.Гольдмарка, А.Кречмара, Ф.Зильхера, Г.Маршнера, Ф.Шуберта,

Ф.Мендельсона-Бартольди, Й.Рейнбергера, Р.Шумана и других. Практически на всех концертах «Лидертафеля» звучали произведения его членов. Музыку сочиняли не только дирижеры (Й.Барц, Ф.-Г.Брушвайлер, Г.Мюллер, М.Петерс, Н.Эммануэль), но и рядовые лидертафельцы, например, потомственный московский врач Александр Адольфович Борхман (1872-1940).

Своим репертуаром и качеством исполнения «Лидертафель» снискал уважение и любителей музыки, и профессионалов. Недаром среди участников и постоянных гостей его концертов можно было встретить практически всех известных московских музыкантов.

В начале Первой мировой войны "Лидертафель" прекратил свою деятельность, однако в 1920-е годы его оставшиеся в Москве участники пытались возродить часть прежних традиций. Правда, собирались они уже не в «Славянском базаре», а в комнате коммунальной квартиры или на природе, однако эти редкие встречи, на которых звучали песни из старого репертуара «Лидертафеля» и разыгрывались небольшие спектакли на немецком языке, имели для их участников не меньшее значение, чем прежние блистательные вечера и концерты. Ведь это было то немногое, что осталось от московской немецкой культуры, это была их последняя надежда.

С начала 1930-х годов в связи с ужесточением политического режима встречи бывших лидертафельцев становились все реже, а во второй половине 1930-х, в результате массовых арестов и закрытия последней евангелическо-лютеранской церкви Москвы, прекратились.

Московское гимнастическое общество, основанное в 1868 году, фактически было немецким, хотя это не отразилось в его названии. В общество входили также австрийцы, швейцарцы, французы и

англичане. Большинство его членов были купцами и предпринимателями. В здании, построенном специально для Общества, был спортивный зал и ресторан, поскольку совместная обильная трапеза была необходимым завершением тренировок. В теплое время года занятия гимнастикой проходили обычно на природе – в Сокольниках или Останкино. При обществе были также отделения для занятий физкультурой женщин, мальчиков и девочек.

Первая попытка издания московской немецкоязычной газеты принадлежит уроженцу Брауншвейга, профессору и ректору (в 1808-1818 гг.) Московского университета Иоганну Христиану (Ивану Андреевичу) Гейму. В 1811-1812 гг. он издавал газету “*Moscovitische Zeitung*”. В 1865 году вышло 33 номера газеты “*Moskauer Zeitung*” под редакцией А.Бурова и Д.Мюллера. Однако годом основания газетц следует считать 1870-й, когда начался регулярный ее выход. До 1882 года газета издавалась три раза в неделю; затем – ежедневно. Первым владельцем и ответственным редактором газеты был московский типограф, выходец из Ольденбурга Теодор Фридрих Генрих Рис.

Большинство публикаций в газете основывалось на материалах российской и германской печати. Оригинальные материалы содержалось в отделе культуры, где сотрудничали поэт Г.Бахманн (о нем см. следующий раздел), историк русской и немецкой литературы А. Лютер и другие представители московской немецкой интеллигенции. В газете публиковались произведения немецкой, русской и зарубежной литературы. Особый интерес представляют произведения немецких литераторов, живших в России (А.Бека. Г.Бахманна, С.Келлера и других).

23 декабря 1914 года вышел последний номер «Московской

немецкой газеты».

Московское немецкое общество было основано в 1907 году. Его цель состояла в объединении московских немцев, сохранении их языка и культуры, укреплении семейных уз. В 1913 году в обществе состояло 1560 членов, большинство из них были предпринимателями и ремесленниками. При обществе были созданы кружки, в которых детей с 4-5 лет обучали немецкому языку; в 1913 году открылся немецкий детский сад. В 1908 году была организована школа с преподаванием на немецком языке. При обществе имелась также библиотека, юридическая консультация, бюро по подысканию работы. В 1914 году, после начала Первой мировой войны, Общество было ликвидировано.

Его преемником стал Союз российских граждан немецкой национальности, зарегистрированный в августе 1917 года в Москве. Его официальное признание в разгар войны с Германией свидетельствует о степени политической свободы, которой достигла Россия в результате Февральской революции. И все же от инициаторов создания и членов Союза требовалось немало мужества, чтобы открыто признать себя немцами и начать бороться за свои политические права и сохранение национальной идентичности. В апреле 1917 года в нем насчитывалось 1570 членов. Союз помогал своим членам найти работу и жилье; при необходимости оказывал материальную помощь. Занимался он также организацией концертов, литературно-музыкальных вечеров, спектаклей, танцев. Планировалось открытие немецкой школы и детского сада. С февраля по июль 1918 года Союз издавал газету «Московские известия» (Moskauer Nachrichten). Точную дату ликвидации Союза установить не удалось.

2. Дома и судьбы

2.1. Образование и воспитание

Улица Маросейка, 11 – первая российская гимназия пастора Глюка
Улица Петровка, 25 (конец XVIII века, М.Ф.Казаков) – первая
московская частная гимназия Ф.И.Креймана
Остоженка, 38 – Коммерческая академия, основанная К.И.Арнольдом

Немцы сыграли заметную роль в развитии российского образования. Они были преподавателями средних и высших учебных заведений, домашними наставниками, авторами учебников. В гимназиях и реальных училищах при евангелическо-лютеранских церквях Москвы и Петербурга, где учились дети разных вероисповеданий и национальностей, преподавание велось на немецком и русском языках. Кроме того, немцы порой являлись основателями принципиально новых типов учебных заведений. Одним из них был Иоганн Эрнест Глюк (1652-1705) – организатор первой российской гимназии.

И.-Э.Глюк родился в Веттине близ Магдебурга. Получив богословское образование в Виттенбергском и Лейпцигском университетах, он в течение 22 лет служил пастором в Мариенбурге – нынешнем городе Алуксне в Латвии. В отличие от большинства своих коллег, Глюк преподавал Слово Божие на латышском языке. Он перевел Библию на латышский язык и организовал несколько школ, в которых латышские дети могли получить образование на родном языке. По его инициативе в Мариенбурге была открыта русская школа для детей старообрядцев, бежавших от преследований из России. Эта полная трудов, но спокойная и, казалось бы, стабильная жизнь была

прервана 25 августа 1702 года, когда в начале Северной войны русские войска вошли в Мариенбург. То был самый страшный день в жизни Глюка, и мог ли он вообразить тогда, что эта трагедия сделает его основателем первой российской гимназии, а его служанку Марту – первой российской императрицей?

В феврале 1703 года пленному пастору поручили обучать иностранным языкам нескольких русских детей, которым предстояла служба в Посольском приказе. Глюк, не привыкший к праздности, с жаром взялся за новое дело и в начале 1705 года добился присвоения своей школе статуса гимназии. По его замыслу, она должна была готовить не просто государственных служащих со знанием языков, а мыслящих, образованных людей, готовых продолжить обучение в европейских университетах. Глюк хотел преподавать в ней немецкий, французский, латинский, древнегреческий, древнееврейский и сирийский языки, географию, физику, политику, философию, а также танцы, верховую езду и этикет. Для своей школы Глюк составил учебники на русском языке, пригласил из-за границы учителей. Но в мае 1705 года он умер, и вскоре выяснилось, что гимназия существовала только благодаря его энтузиазму. Нового ректора вскоре сместили за «неистовство и развращение», но и его преемник был не лучше. И все же начинание Глюка не оказалось бесплодным. Многие его питомцы были посланы учиться за границу и стали просвещенными государственными деятелями.

У Глюка не оказалось достойных сподвижников и никто не последовал его примеру, ибо, как писал В.О.Ключевский, "мысль оказалась преждевременной. Требовались не образованные люди, а переводчики Посольского приказа».

Францу Ивановичу Крейману (1828-1902), основателю первой московской частной гимназии, повезло больше. Его гимназия существовала 60 лет и стала примером для многих ищущих педагогов, ибо эпоха, в которую он начал свою деятельность, благоприятствовала творческим инициативам. Правда, вначале ничто не предвещало успеха тридцатилетнему педагогу, отказавшемуся от стабильной работы в Московском кадетском корпусе ради весьма рискованного, как казалось многим, предприятия. Что же побудило Франца Ивановича изменить привычный образ жизни?

В 1855 году, после смерти Николая I, наступила короткая либеральная весна Александра II, начавшаяся реформами в области образования. Дело в том, что в прежнее царствование политика в области народного просвещения сводилась к жесткой унификации, бюрократизации и мелочному контролю, подавляющему всякую инициативу педагогов; цель школы виделась властям в воспитании послушных и полезных подданных, не более того. К середине XIX века результаты подобной деградации всех уровней образования были налицо, и единственный выход заключался в ослаблении государственного контроля над школой. Так, 17 января 1857 года было разрешено открытие частных учебных заведений (что было запрещено в прежнее царствование).

Первым человеком в Москве, кто решился им воспользоваться, был Ф.И.Крейман, открывший двери своей гимназии 2 октября 1858 года. На первый урок к нему пришло только 7 человек. Через год у него уже было 20 гимназистов, а через 8 лет – 210.

Его примеру последовали другие педагоги, и вскоре престиж частных учебных заведений стал намного выше, чем государственных.

Почему же состоятельные родители предпочитали частные учебные заведения? Секрет их успеха заключался не в особенных предметах и программах, а в том, кто и как там учил.

Кто же работал в гимназии Креймана? Закон Божий в ней преподавал протопресвитер Успенского собора в Кремле, профессор богословия Московского университета и Духовной академии Н.А.Сергиевский. Латинский и древнегреческий языки преподавал Иван Христианович Виберг. Вместе с учениками он ставил на гимназической сцене трагедии античных авторов на языке оригинала, а вырученные от продажи билетов деньги шли на помощь малоимущим ученикам и бывшим преподавателям. Математику, физику и географию преподавал Юрий Францевич Виппер, а историю – его сын, будущий член Академии Наук СССР Роберт Юрьевич. Музыке и пению гимназистов обучал один из основателей Московской консерватории композитор Карл Карлович Альбрехт. Учителем естествознания был Карл Эдуардович Линдеманн – профессор Петровской сельскохозяйственной академии и выдающийся ученый. Астрономию преподавал Павел Карлович Штернберг – будущий директор Московской обсерватории.

Среди питомцев гимназии Креймана назовем архитектора Р.И.Клейна, по проекту которого было построено здания Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина), прославленного исследователя древнерусских летописей А.А.Шахматова и В.Я.Брюсова. Впрочем, будущего поэта родители были вынуждены из гимназии забрать. Высокие требования и суровая дисциплина оказались для него неприемлемыми. Впоследствии он так вспоминал школьные годы: «Жестокая вещь

ходить ежедневно в классы. Гимназия отнимает 9/10 жизни. И каждый вечер засыпать с опасением, не проспять бы завтра! Каждый день идти на обязательное подчинение (...) Я до сих пор не могу мыслить о гимназии без содрогания. Это – ужасно. Это – почти пытка».

Да, в гимназии Креймана царила суровая дисциплина, и В.Я.Брюсову еще повезло, что его не отдали в пансион, где день воспитанника был расписан буквально по минутам.

Что касается преподавания, то оно было направлено на то, чтобы научить гимназистов мыслить, вырабатывать собственные суждения. Особенно большое внимание уделялось древним языкам, ибо, по мнению директора, изучение латыни «приучает ум к точному, сознательному и живому труду». Немало времени уделялось и сочинениям, ибо считалось, что именно они способны пробудить в учениках творческое начало. «Учение должно приохотить воспитанников к отчетливому и сознательному труду, пробуждать самостоятельность», – считал Ф.И.Крейман. Гимназия Креймана славилась великолепной постановкой преподавания и новых языков. Учащиеся переводили отрывки из произведений И.С.Тургенева и Л.Н.Толстого на немецкий язык, писали сочинения по-немецки.

Плата за обучение, как и в других частных гимназиях, была выше, чем в государственных. И это понятно: она не пользовалась никакими государственными дотациями; педагоги же приглашались самые лучшие. Однако бывало, что отличавшиеся способностями и прилежанием малоимущие ученики обучались бесплатно.

Большинство выпускников гимназии Креймана всю жизнь сохраняли о ней теплые воспоминания, и некоторые отдавали в нее своих детей. В 1881 году было организовано «Общество бывших

учеников гимназии Креймана». Многие его члены были людьми состоятельными и оказывали родной гимназии материальную помощь. При необходимости она предоставлялась бывшим учителям и ученикам из малообеспеченных семей.

В историю российской культуры порой входят целые немецкие династии. Основатель одной из них, Карл Иванович Арнольд (1775-1845), был уроженцем Пруссии. После окончания Берлинского университета поселился в Риге, а затем в Москве, где в 1804 году основал коммерческий пансион, преобразованный в 1806 году в Практическую коммерческую академию. В 1810-1840 гг. жил в Петербурге, где работал в Министерстве финансов. Автор многочисленных работ по бухгалтерии; является одним из первых теоретиков бухгалтерского учета в России. В 1840 году после выхода в отставку поселился во Фридрихсгаме (ныне город Хамина в Финляндии), где умер в крайней бедности.

Его старший сын Иван Карлович основал первое в Москве училище для глухонемых (о нем см. следующий раздел), средний – Юрий Карлович – был композитором, педагогом, музыковедом, автором работ об истории русского церковного пения; младшего – Федора Карловича, директора Петровской земледельческой и лесной академии в Москве, – называют отцом русского лесоводства.

2.2. "Спешите делать добро"

Малый Казенный переулок, 5 – здание Полицейской больницы для бесприютных, основанной Ф.П.Гаазом. В 1909 году в ее дворе был установлен памятник Ф.П. Гаазу по проекту Н.А.Андреева

Милютинский переулок, 18 – костел святых апостолов Петра и

*Павла(1849, А.Жильярди), прихожанином которого был Ф.П.Гааз
Павловская улица, 25 – Павловская больница (ныне Четвертая
городская клиническая больница)(1807, М.Ф.Казаков), где в 1807-12 гг.
Ф.П.Гааз был главным врачом.*

*Донская улица, 37(1875, А.С.Каминский) – Арнольдо-Третьяковское
училище для глухонемых*

*Проспект Мира (бывшая 1-я Мещанская), 13 (1911, Г.Гельрих) – Школа
для слепых детей, основанная Г.Г.Дикгофом*

*Большая Ордынка, 34 – Марфо-Мариинская обитель, основанная
великой княгиней Елизаветой Федоровной (1912, А.В.Щусев)*

"Спешите делать добро" – эти слова из книги Ф.П. Гааза "Призыв к женщинам" определили жизнь и самого "святого доктора", и тех, о ком пойдет речь в этой главе. Благотворительность была не частью их жизни; вся их жизнь, до последнего вздоха, была непрерывным самоотверженным служением обездоленным, ибо только в этом видели они смысл своего земного существования. Таких, как они, единицы, однако их пример, пусть и недостижимый для большинства, во все времена является для нас путеводной звездой.

Фридрих Йозеф Гааз, прозванный в России "святым доктором", родился в городке Бад-Мюнстерайфель близ Кельна. Дед его был врачом, отец – аптекарем. После окончания гимназии Фридрих Йозеф изучал философию и математику в Йенском университете, но, почувствовав тягу к семейной профессии, уехал в Вену, где получил медицинское образование. В 1806 году, по приглашению одного из своих русских пациентов, молодой доктор приехал в Москву, где его стали называть Федором Петровичем.

Вскоре после приезда он был назначен главным врачом Павловской больницы. В 1809-1810 гг. на Кавказе в горах Машук и Бештау Ф.П.Гааз открыл серно-щелочные источники минеральных вод и написал книгу об их целебных свойствах. Таким образом, он является одним из основоположников российской курортологии, и неудивительно, что в его честь названа одна из улиц в городе Ессентуки. Во время войны с Наполеоном Ф.П.Гааз был военным хирургом и дошел с русской армией до Парижа.

После войны доктор Гааз возвратился в Москву. Он считался самым искусным врачом в городе, и от пациентов не было отбоя. Кроме того, Федор Петрович преподавал в Медико-хирургической академии и безвозмездно работал в Преображенской и Екатерининской богадельнях.

Однако главные свои усилия Ф.П.Гааз направлял на заботу о заключенных, ибо именно они, по его мнению, более всех нуждались в помощи, участии и сострадании. Он был убежден, что каждый человек по натуре добр, ибо Бог сотворил его по образу и подобию своему. Тот же, кто свернул с предначертанного Всевышним праведного пути, является прежде всего несчастным, больным человеком, излечить которого может лишь добро. В 1829 году Ф.П.Гааза назначили главным врачом московских тюрем, и с этого времени вся его жизнь была посвящена помощи заключенным. В 1831 году он распродал всю свою недвижимость (дом на Кузнецком мосту, имение в Тишково, суконную фабрику) и вырученные деньги потратил на помощь нуждающимся. В 1832 году он организовал больницу при пересыльной тюрьме на Воробьевых горах, в 1836-м – школу для детей арестантов.

В 1833 году Ф.П.Гааз добился отмены прута – стержня, к

которому приковывали несколько арестантов во время этапирования в Сибирь; в 1836 году тяжелые кандалы были заменены облегченными, обшитыми изнутри войлоком или сукном.

Ф.П.Гааз неоднократно ходатайствовал об освобождении невинно осужденных и о сокращении срока наказания. На его средства было выкуплено множество крепостных, чтобы они могли сопровождать своих родственников в Сибирь.

Ф.П. Гааз не только оказывал заключенным материальную помощь. Зачастую он был единственным человеком, который проявлял сочувствие и участие к самым, казалось бы, закоренелым преступникам. Нередко он несколько километров шел по этапу, беседуя с кем-либо из заключенных, и многие из них на всю жизнь сохранили благодарную память о «святом докторе».

В 1845 году на средства доктора Гааза и собранные им частные пожертвования в Малом Казенном переулке была открыта больница для бесприютных. В одном из ее флигелей Ф.П.Гааз прожил свои последние годы, почти до последнего дня неутомимо трудясь и помогая всем, кто к нему обращался. «У Гааза нет отказа», – говорили о нем москвичи. В 1909 году во дворе этой больницы ему был поставлен памятник по проекту скульптора Н.А.Андреева. Копия этого памятника находится в родном городе доктора Гааза, где его именем названа одна из улиц.

50 лет прожил доктор Гааз в России, и все эти годы прошли неустанных трудах, потому что он просто не мог иначе. Он ни одной минуты не оставался спокойным и праздным, ибо постоянно думал о том, что кто-то сейчас страдает, и он должен немедленно помочь этому человеку, ибо завтра уже будет поздно. Размышляя о судьбе и

нравственном влиянии личности Ф.П.Гааза на современников и потомков, его первый биограф А.Ф.Кони писал: «Что может сделать один против среды?» – говорят практики-мудрецы, ссылаясь на поговорку «Один в поле не воин». «Нет!» – отвечает им всей своей личностью Гааз. – И один в поле воин». Вокруг него, в память его соберутся другие, и если он воевал за правду, то сбудутся слова апостола: «Все минется, одна правда останется».

Немцы стоят у истоков создания в Москве школ для детей с ограниченными возможностями.

Один из них – Иван Карлович Арнольд (1805-1891) – сын основателя Московской коммерческой академии К.И. Арнольда. В два года он оглох, и, видимо, стремлением дать ребенку правильное воспитание и образование объясняется отъезд в 1810 году семьи Арнольдов в Петербург, где тогда уже было училище для глухонемых. Свое образование И.К.Арнольд продолжил в Германии, где одновременно посещал Берлинское училище для глухонемых и Академию художеств, а в 1824 году, в девятнадцать лет, окончил Дрезденскую академию художеств с серебряной медалью. Потом он вернулся в Петербург и почти четверть века жил скромно и незаметно, служа художником в Эрмитаже, а затем топографом и рисовальщиком в Министерстве государственных имуществ. И вот, когда ему было уже под пятьдесят, Иван Карлович решился коренным образом изменить свою жизнь: он стал гувернером глухонемого мальчика и затем, убедившись в своих педагогических способностях, в 1852 году устроил частный пансион для глухонемых, где учились пять мальчиков (четверо бесплатно). В 1860 году И.К.Арнольд с воспитанниками переехал в Москву, где с помощью П.М. Третьякова основал училище для

глухонемых, получившее название Арнольдо-Третьяковского.

Генрих Генрихович Дикгоф (1833-1911) – основатель первой в Москве школы для слепых детей – родился в Полтаве в семье лютеранского пастора. После окончания теологического факультета Дерптского университета приехал в Москву, где стал помощником своего отца, который служил тогда пастором в Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви, а после его смерти был избран его преемником.

Дел у пастора, община которого насчитывала 15 тысяч человек, было немало, однако Г.Дикгоф не привык делить людей на "своих" и "чужих". Судьба слепых, лишенных помощи и средств существования, не давал ему покоя, и он решил помочь им во что бы то ни стало.

В 1871 году Г.Дикгоф за свой счет поехал за границу, чтобы познакомиться с зарубежным опытом обучения незрячих, а в 1872 году основал Совет учредителей Московского учебно-воспитательного заведения для слепых детей. Однако благие намерения натолкнулись на обычную преграду – отсутствие средств. Государство не дало ни копейки на организацию школы, однако среди москвичей нашлись люди, готовые помочь. Лишь благодаря частным пожертвованиям в 1882 году был собран капитал для открытия школы. Почти все ее питомцы были из бедных семей и учились бесплатно, и школа, лишенная государственного финансирования, существовала за счет частных пожертвований.

В школе незрячие дети получали неплохое начальное образование (включавшее Закон Божий, русский язык, арифметику, природоведение, географию и историю), но главное внимание уделялось профессиональной подготовке. Девочки шили, вышивали и

вязали, а мальчики изготавливали корзины и мебель, переплетали книги и работали в типографии. Неизменным успехом у москвичей пользовались выступления хора и оркестра воспитанников школы.

За 30 лет – с 1882 по 1912 год – школу для слепых детей окончило 114 человек, из них трудоустроен был 101. Одни стали квалифицированными ремесленниками, другие – музыкантами и певчими, которые выступали в духовном хоре слепых под руководством Я.К.Сорокина (осн. в 1897) или оркестре, организованном в 1899 году капельмейстером Большого театра Г.Гейзлером.

Великая княгиня Елизавета Федоровна (до принятия православия Елизавета Александра Луиза Алиса, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская) (1864-1918), старшая сестра императрицы Александры Федоровны, родилась в Дармштадте в семье великого герцога Людвига IV Гессенского и Рейнского. С 1878 года воспитывалась при дворе своей бабушки по матери, английской королевы Виктории. В 1884 году вышла замуж за великого князя Сергея Александровича. В 1891 году приняла православие. В том же году, после назначения Сергея Александровича московским генерал-губернатором, переехала в Москву. После убийства Сергея Александровича в феврале 1905 года оставила двор и целиком посвятила себя благотворительной деятельности. В 1907 году Елизавета Федоровна основала Марфо-Мариинскую обитель сестер милосердия, настоятельницей которой стала в 1910 году. При обители существовали больница, амбулатория; убежище для женщин, больных туберкулезом; женская бесплатная школа; дом дешевых квартир для студенток и работниц; приют для девочек; бесплатная столовая. В годы Первой мировой войны Елизавета Федоровна делала все возможное для организации медицинской

помощи фронту. В мае 1918 года Елизавета Федоровна и ее келейница Варвара Яковлева были арестованы и вывезены на Урал в Алапаевск. 18 июля 1918 года вместе с другими членами царской семьи она была заживо сброшена в шахту рудника. Канонизирована Русской Православной Церковью. В настоящее время Марфо-Мариинская обитель возрождена и продолжает традиции, заложенные ее основательницей.

2.3. Люди науки

Моховая улица, 8 – Московский университет, где преподавали Х.И.Лодер, Г.-Ф.Гофман, Г.И., А.Г. и А.А. Фишеры фон Вальдгеймы, Н.Н.Кауфман и многие другие немецкие ученые

Хохловский переулок, 7 – Московский архив коллегии иностранных дел, которым заведовал Г.-Ф.Миллер

Квартал между Остоженкой, Хилковым и Турчаниновым переулками – здесь с 1828 по начало 1870-х гг. находилось Заведение Искусственных минеральных вод Х.И.Лодера

Проспект Мира, 26 – Ботанический сад Московского государственного университета «Аптекарский огород»; здесь растет дуб, посаженный его первым директором Георгом Францем Гофманом.

О заслугах немецких ученых перед российской наукой можно говорить до бесконечности. И все же главное, неподвластное времени значение их деятельности заключается в том, что они верили в свое дело, знали себе цену и умели, несмотря ни на что, внушить окружающим уважение к науке и ее служителям.

Герхард Фридрих Миллер (1707-1783)) приехал в Россию 20-

летним выпускником Лейпцигского университета, а три года спустя по его инициативе стал выходить первый русский литературный и научно-популярный журнал – «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания к Санкт-Петербургским ведомостям». Миллер основал и первый в России исторический журнал, выходивший, правда, на немецком языке, в котором были впервые опубликованы отрывки из русских летописей. В 24 года недавний студент стал профессором Петербургской Академии наук. Казалось бы, все складывается как нельзя лучше, но в 1733 года Миллер без сожаления оставляет спокойную обеспеченную жизнь и неторопливые научные занятия и присоединяется ко Второй Камчатской экспедиции Беринга.

Миллер пробыл в Сибири 10 лет. За это время он собрал колоссальный исторический и этнографический материал, ставший основой не только для его собственных сочинений (прежде всего фундаментального труда "История Сибири"), но и для исследований не одного поколения историков и этнографов.

Вскоре после возвращения Миллер выступил с предложением об учреждении при Петербургской Академии наук исторического департамента для написания истории и географии России, однако проект был отклонен. Вслед за этим последовали более существенные неприятности. Однажды Миллер узнал, что результаты его научных изысканий являются, оказывается, государственной тайной: в 1744 году он был вызван на допрос по поводу разглашения сведений о картах Второй Камчатской экспедиции. В последующие годы Миллер имел неосторожность всерьез заняться генеалогией российской правящей династии и пришел к таким выводам, что Сенат запретил ему

заниматься этой темой. Миллер послушался, но выводов не сделал. Он так никогда и не понял, точнее, не хотел понять, что в России историческая наука связана с политикой и предназначена властями главным образом для воспитания патриотизма. В 1749 году он вынес на обсуждение Академии Наук диссертацию «О происхождении народа и имени Российского». На основании изучения летописей он доказывал скандинавское (норманнское) происхождение первой русской правящей династии. "Непатриотичные» идеи Миллера были дружно заклеяны коллегами, а его диссертация сожжена.

В 1766 году в жизни 60-летнего ученого наступает перемена. Он переезжает в Москву и становится во главе Московского архива коллегии иностранных дел. Из склада никому не нужных старых бумаг Миллер превратил архив в научное учреждение, обеспечивавшее историков необходимыми материалами для исследований. Фактически Миллер создал первый в России исторический архив, ставший предшественником нынешнего Российского государственного архива древних актов. Незадолго до смерти Миллер передал сюда за символическую плату свою бесценную коллекцию древних рукописей и старопечатных книг. Современные историки пользуются до сих пор этим собранием, известным под названием «портфели Миллера».

Московский архив коллегии иностранных дел стал главным, но не единственным делом последних лет жизни Миллера. Он написал первый в России труд по истории дворянства, а в возрасте семидесяти с лишним лет совершил длительное путешествие по Московской губернии, результатом которого стала серия статей об истории подмосковных городов и монастырей.

Итак, Герхард Фридрих Миллер стоит у истоков российской

исторической науки, архивоведения, этнографии и журналистики. Однако значение его личности для современников и потомков этим не исчерпывается. Миллер является примером самоотверженного, бескорыстного и смелого ученого, который превыше политической конъюнктуры ставил правду. Исследователь прошлого, по мнению Миллера, «должен казаться без отечества, без веры, без государя; все, что историк говорит, должно быть строго истинно».

«Друг Гете, учитель Гумбольдта, один из той плеяды сильных и свободных мыслителей, которые подняли Германию на ту высоту, о которой она мечтала. Для этих людей наука была еще религией, пропагандой, войной, им самим свобода от теологических цепей была нова, они еще помнили борьбу, они верили в победу и гордились ею», — так писал о Юстусе Христиане Лодере (1753-1832) А.И.Герцен в «Былом и думах».

Ю.-Х.Лодер родился в Риге в семье пастора. Учился в Геттингенском университете, получил звание доктора медицины и хирургии, а потом доктора философии. До 1803 года преподавал на медицинском факультете Йенского университета; основал в Йене родильный госпиталь, музей естественной истории, построил новый анатомический театр и медико-хирургическую клинику. Был лейб-медиком великого герцога Саксен-Веймарского. В 1803-1806 гг. был профессором университета в Галле, где основал хирургическую клинику. В 1808-1810 гг. был лейб-медиком прусского короля Фридриха Вильгельма III. В 1820 году поселился в Петербурге, где стал лейб-медиком Александра I и имел частную практику. Во время войны 1812 года занимался устройством военных госпиталей. После 1812 года жил в Москве. Заведовал военным госпиталем; был профессором Медико-

хирургической академии и Московского университета, которому подарил свою библиотеку и анатомический кабинет. В 1828 году Х.И.Лодер со своим коллегой Ф.Ф.Рейссом организовал в Москве Заведение искусственных минеральных вод. Одним из важнейших лечебных средств в этом учреждении была ежедневная трехчасовая ходьба. В связи с этим существует мнение, что слово лодырь происходит от фамилии доктора, поскольку простой народ, наблюдая, как богатые бездельники бесцельно ходят взад-вперед по саду, говорил: «Лодера валяют». Впрочем, едва ли эта точка зрения соответствует действительности. В.И.Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» предполагает, что слово лодырь (или лодарь) произошло от немецкого Luder. Впрочем, немецкое слово имеет более грубое и осуждающее значение. Так что едва ли лодыри пошли от Лодера.

Х.И.Лодер был ученым европейского масштаба. Он являлся профессором трех университетов, лейб-медиком трех царствующих особ, почетным членом научных обществ Берлина, Эрлангена, Йены, Галле. Парижа, Вены, Цюриха. Он переписывался с Гете, среди его студентов был Александр фон Гумбольдт. И знал себе цену. Знаменитый русский хирург Н.И.Пирогов (тоже, кстати, его студент) в своих воспоминаниях рассказывал о том, как однажды карета Лодера обогнала парадный выезд московского обер-полицмейстера. На крики главного стража порядка профессор спокойно ответил: «Вы – обер-полицмейстер, а я – Юстус Христиан Лодер. Вас знает только Москва, а меня – вся Европа». И карета ученого поехала дальше – впереди кареты обер-полицмейстера, и никаких неприятностей у Лодера после этого не было. Интересно, чем бы закончился подобный инцидент лет двести

спустя?

В Москве, на проспекте Мира, рядом с одноименной станцией метро, стоит не особенно приметное современное здание. И далеко не все прохожие, спешащие по этой одной из самых оживленных магистралей столицы, догадываются, что скрывается за его стеклянной дверью...

Войдя, вы окажетесь сразу в другом мире. Шум мегаполиса смолкнет, и вместо него вы услышите пение птиц в кронах вековых деревьев и стрекотание кузнечиков в густой траве. Вы больше не почувствуете зловония выхлопных газов; вместо него вас нежно окутает аромат жасмина и лаванды.

Это не начало фантастического рассказа. Это – Ботанический сад Московского государственного университета, основанный по приказу Петра I в 1706 году. Первоначально он представлял собой аптекарский огород для выращивания лекарственных растений и находился при Московском военном госпитале, а затем при Медико-хирургической академии. В 1805 году огород был передан Московскому университету, и его первым директором стал Георг Франц Гофман (1761-1825). Уже в 22 года он – профессор Эрлангенского, а в двадцать шесть – Геттингенского университета; был директором Геттингенского Ботанического сада. Гофман славился ученостью, красноречием и глубокой эрудицией. Его блестящие лекции посещали не только студенты, но также и Гете, Александр фон Гумбольдт и баварский король Людвиг I, которого связывала с Гофманом личная дружба. Вот такой человек в 1804 году стал профессором Московского университета и директором его Ботанического сада.

Одним из преемников Гофмана был Александр Григорьевич

Фишер фон Вальдгейм (1803-1884) – представитель знаменитой семьи московских естествоиспытателей. При нем Ботанический сад, служивший ранее лишь научным и образовательным целям, становится одним из любимых мест отдыха москвичей. Александр Григорьевич был сыном знаменитого Григория (Готтхельфа) Ивановича Фишера фон Вальдгейма – основателя Московского императорского общества испытателей природы (существующего по сей день) и отцом Александра Александровича Фишера фон Вальдгейма – директора Петербургского ботанического сада. Все трое – дед, отец и внук – были профессорами Московского университета.

Среди создателей Сада был уроженец Москвы, профессор Московского университета Николай Николаевич Кауфман (1834-1870) – автор обширного труда "Московская флора".

2.4.Служители муз

Рождественский бульвар, 14 (нач. XIX века, Э.Ф.Маттерн; 1870, А.Н.Стратилатов) – литературный салон Каролины Павловой
Улица Большая Никитская, 17 (1885, К.В.Терский, фасад – Ф.-А.Шехтель) – театр Парадиза
Петровский переулок, 3 (1885, М.Н.Чичагов) – театр Корша
Большой Саввинский переулок, 6 – дом Метнеров

Немало русских писателей и поэтов имело немецкое происхождение. Однако не все знают, что в России в XVIII-начале XX века существовала обширная литература на немецком языке.

Якоба Михаила Рейнгольда Ленца (1751-1792) Гете назвал метеором, пролетевшим по горизонту немецкой литературы. Таланту

Ленца помешали в полной мере развиваться трагические обстоятельства его жизни, однако человек этот, проживший последние 11 лет своего земного существования в Москве, оставил заметный след в немецкой литературе.

Ленц родился в Лифляндии (на территории современной Латвии) в семье пастора. После окончания Кенигсбергского университета, где он изучал теологию и философию, жил в Страсбурге, где познакомился с Гете, по приглашению которого в 1776 году приехал в Веймар. Однако вследствие своего пылкого и необузданного характера и нежелания подчиняться светским условностям он через несколько месяцев вынужден был уехать. Оставленный вчерашними друзьями, не понятый родными, нищий и бесприютный, Ленц долго скитался, пока в 1778 году не заболел тяжелой душевной болезнью. Ему удалось излечиться, однако ее последствия наложили отпечаток на его последующую жизнь и пагубно отразились на его таланте.

Осенью 1781 года Ленц приехал в Москву. По его словам, главной причиной этого решения было желание изучать историю России под руководством прославленного историка Г.-Ф.Миллера. Пылкую и увлекающуюся поэтическую натуру Ленца привлекала романтическая, полная загадок и почти не исследованная история России. Ее изучение столь захватило его, что он начал работать над трагедией «Борис Годунов», однако не смог завершить ее. Миллер и его жена отнеслись к поэту с теплотой и участием. В течение двух лет Ленц жил у них в доме, и смерть Миллера в 1783 году стала для него тяжелым ударом.

Московское образованное общество отнеслось к Ленцу с уважением и радушием. Ведь здесь в нем видели не чудака и неудачника, как в Германии и на родине, а известного немецкого поэта,

повидавшего свет и знакомого с самим Гете. Одним из его русских друзей был Н.М.Карамзин. Во многом благодаря Ленцу он глубже узнал и полюбил немецкую литературу и в совершенстве овладел немецким языком, что весьма помогло ему в будущем заграничном путешествии. В «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзин, рассказывая о своей встрече со знаменитым поэтом Виландом: «Потом спросил Виланд, как я, живучи в Москве, научился говорить по-немецки? Отвечая, что мне был случай говорить с немцами и притом с такими, которые хорошо знают свой язык, упомянул я о Ленце».

Ленц повлиял на формирование литературных вкусов Карамзина и привил ему любовь не только к немецкой, но и к английской литературе. Рассказы Ленца явились для Карамзина как бы путеводителем в его будущем заграничном путешествии. Не случайно он посетил все те места, в которых бывал Ленц, и нанес визиты его знакомым из литературных кругов. Устами одного из них Н.М.Карамзин так охарактеризовал Ленца: «Тучи омрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не воссияло. Глубокая чувствительность погубила его».

Каролина Карловна Павлова (урожд. Яниш) (1807-1893) известна как русская поэтесса. Однако ее перу принадлежат прекрасные стихи, написанные на ее родном языке – немецком.

Она родилась в Ярославле в семье врача. В 1808 году ее отец стал профессором Московской медико-хирургической академии, и семья переехала в Москву. Каролина получила хорошее домашнее образование. Она в совершенстве владела несколькими иностранными языками, прекрасно знала литературу, имела музыкальное дарование. В 1826 году в салоне Зинаиды Волконской Каролина познакомилась с

польским поэтом Адамом Мицкевичем. Два года спустя он сделал ей предложение, однако из-за противодействия родных и некоторого охлаждения самого Мицкевича брак не состоялся.

В 1837 году Каролина вышла замуж за писателя Н.Ф. Павлова. Супруги поселились в особняке на Рождественском бульваре, который, благодаря уму и такту хозяйки, стал одним из известнейших литературных салонов Москвы, где собирались люди самых разных убеждений. Некоторые из них вели между собой непримиримую идейную борьбу, однако в гостеприимном доме Каролины Павловой, отличающейся терпимостью и уважением к чужим взглядам, сглаживались все противоречия. Здесь бывали И.С.Тургенев, Н.В.Гоголь, А.А.Фет, Е.А.Баратынский, П.А.Вяземский, А.И.Герцен, Т.Н.Грановский, И.С.Хомяков, братья Аксаковы и Киреевские, М.П.Погодин и многие другие литераторы, историки и общественные деятели. Здесь в мае 1840 года провел свой последний московский вечер перед отъездом на Кавказ М.Ю.Лермонтов.

Конец 1830-х – начало 1850-х гг. были апогеем творческой активности Каролины Павловой. Ее стихи и переводы (она переводила на русский язык немецкую, французскую, английскую, шотландскую, польскую и древнегреческую поэзию) печатались почти во всех ведущих литературных журналах Москвы и Петербурга, а в 1848 году отдельным изданием был опубликован ее роман в стихах «Двойная жизнь».

В 1853 году Каролина рассталась с мужем и уехала в Дерпт. В 1856-1857 гг. она много путешествовала: побывала в Стамбуле, Швейцарии и Италии, где познакомилась с художником Александром Ивановым, о котором написала восторженную статью. В 1858 году

К.К.Павлова навсегда обосновалась на родине предков, в Пильнице под Дрезденом.

В Германии К.К.Павлова в основном переводила русскую литературу на немецкий язык, но занималась и оригинальным литературным творчеством. В 1863 году в России вышел ее первый и последний прижизненный сборник собственных стихотворений. Особенно много она переводила произведения А.К.Толстого, с которым ее связывали дружеские и деловые отношения. Так, в 1868 году в Дрездене была издана трагедия А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» в переводе К.Павловой и в том же году поставлена на Веймарской сцене. В свою очередь, А.К.Толстой помогал К.К.Павловой поддерживать связь с русскими издательствами, а также способствовал тому, что с 1866 года она стала получать пенсию от великой княгини Елены Павловны. Сохранилась обширная переписка А.К.Толстого и К.К.Павловой, а также несколько посвященных ей стихотворений А.К.Толстого на немецком языке.

В конце жизни престарелая поэтесса была почти забыта в России. Интерес к ней возродился в начале XX столетия, среди поэтов Серебряного века.

Романтиком, заброшенным в XX век, назвал его Валерий Брюсов. И действительно, как иначе можно назвать человека, который родился и всю жизнь прожил в России, в совершенстве владел русским языком, общался главным образом с русской интеллигенцией и, тем не менее, писал стихи только по-немецки? Почему Георг Бахманн (1852-1907) сознательно отказался от литературной известности и писал на языке, не доступном для большинства его соотечественников?

Г.Бахманн родился в Петербурге в швейцарской семье, которая

вскоре переехала в Москву. Здесь он окончил школу при евангелическо-лютеранской церкви св.Михаила и с начала 1870-х гг. был учителем немецкого языка.

Г.Бахманн не был избалован ни прижизненной, ни посмертной славой. Первый сборник его стихотворений был издан в Берлине в 1897 году, когда ему было уже 45 лет; второй и последний сборник увидел свет в Москве через три года после смерти автора. Нельзя утверждать, что Георг Бахманн «презирал славу». Он просто не стремился к ней. Переносясь по вечерам из шумного класса в мир волшебных грез, он неделями, а то и годами любовно и прилежно оттачивал каждое свое стихотворение, не заботясь ни о поддержании нужных контактов в немецком литературном мире, ни об издании своих произведений. «Работая медленно, довольствуясь как наградой своим трудом, Бахманн довел до высшей степени совершенства свой стих и до высшей степени отчетливости свою манеру творчества», – писал о нем Валерий Брюсов.

По субботам в маленькой, заполненной книгами квартире Г.Бахманна собиралась московская литературная элита – К.Бальмонт, В.Брюсов, А.Белый, Ю.Балтрушайтис, В.Иванов и другие. Их привлекала не только поэзия, но и личность Г.Бахманна и совершенно особая атмосфера его дома. «Близким друзьям Бахманна открывался не только прекрасный поэт, – открывалась еще прекрасная душа человека, которую трудно было не полюбить и которой нельзя было не восхищаться. У Бахманна была только одна истинная страсть – поэзия; одна любовь – к поэтам. Поражая своим знанием литературы всех народов, всех стран, всех эпох, Бахманн поражал еще более своей способностью видеть красоту во всех ее проявлениях, и не только

видеть, но и открывать ее другим. С Бахманном странно было бы говорить о чем-либо другом, как не о стихах, о поэтах, о книгах. Ни перед какой залой, ни с какой эстрады нельзя было с большим удовольствием читать свои стихи, как перед этим внимательным и чутким слушателем, для которого поэзия была действительно священна, для которого прекрасный стих был действительно наслаждением», – вспоминал В.Брюсов.

Немцы вошли в историю и театральной жизни Москвы. Основателем первого российского театра был лютеранский пастор из Немецкой слободы Иоганн Готфрид Грегори (1631-1675). 17 октября 1672 года он поставил спектакль по библейской книге "Эсфирь" для царя Алексея Михайловича и его приближенных.

Во второй половине XIX века для московских театралов одними из самых известных были имена Корша и Парадиза.

Театральный антрепренер, драматург и переводчик Федор Адамович Корш (1852-1923) являлся потомственным москвичом и принадлежал к весьма известной семье, родоначальник которой (прадед Ф.А.Корша) приехал в Москву из Саксонии и завел пекарню. Дед и отец Ф.А.Корша были врачами; его дяди (братья отца) – Евгений Федорович и Валентин Федорович – известными журналистами и издателями; один из его кузенов – Федор Евгеньевич – был выдающимся филологом, профессором Московского университета; другой кузен – Евгений Валентинович – адвокатом. Адвокатской практикой занимался вначале и Федор Адамович, однако истинным призванием его был театр. В 1882 году он основал в Москве Русский драматический театр, известный более как «театр Корша», который просуществовал до 1917 года.

Три года спустя в Москве появился еще один театр. Его организовал бывший актер немецкой труппы Михайловского театра из Петербурга Георг Парадиз (1847-1901). В 1890-е годы театр Парадиза стал называться Интернациональным, поскольку в нем выступали преимущественно зарубежные актеры. «Немецкий театр, благодаря Парадизу, стал чуть ли не лучшим театром в Москве, – рассказывал А.П.Чехов в "Осколках московской жизни", – и один только он мог похвастаться в этом году полными сборами. (...) Парадиз до того доволен, до того счастлив, что на его немецком лице даже мед выступил. Немцы от удовольствия, любви к Отечеству и народной гордости красны, как раки».

В Большом Саввинском переулке стоит неприметный деревянный домик. На нем нет мемориальной доски, а между тем он был одним из важнейших центров московской культуры Серебряного века, ибо здесь жили братья Метнеры – Эмилий, Николай и Александр. Здесь бывали А.Ф.Гедике, А.Б.Гольденвейзер, А.Н.Скрябин, С.А.Кусевицкий, А. Белый и многие другие музыканты, философы и литераторы. Между тем дом стоял не в особенно романтическом месте. По соседству находилась кружевная фабрика, одним из директоров которой был отец братьев – Карл Петрович Метнер. В 1860-е годы он приехал в Москву из Пярну и занялся предпринимательской деятельностью. Вскоре он женился на дочери органиста костела святого Людовика Александре Карловне Гедике. Ее брат – Федор Карлович Гедике и племянник – Александр Федорович Гедике, – продолжив семейную традицию, стали композиторами и органистами.

Старшего сына Метнеров – философа, литературного и музыкального критика Эмилия Карловича (1872-1936) – Андрей Белый

назвал «дирижером душ». И действительно: значение его в культуре не исчерпывается книгами и статьями. Он обладал исключительным даром общения и умел привлекать к себе и соединять друг с другом людей не просто талантливых и высокообразованных, но таких, которые вместе могли прийти к новым идеям и создать новое культурное пространство. Он был непревзойденным мастером устной интеллектуальной импровизации, его идеи вдохновляли и западали в души собеседников, побуждая их к творческому созиданию и самореализации. С 1914 года до конца жизни Э.К.Метнер жил в Швейцарии и Германии.

Николай Карлович Метнер (1879-1951) прославился как композитор и пианист. Он является автором многочисленных произведений для фортепиано, в том числе трех концертов для фортепиано с оркестром, а также около ста песен и романсов на стихи Пушкина, Гете и других русских и немецких поэтов. В 1919 году Метнеры были выселены из своего дома; в 1921-м Н.К.Метнер с женой эмигрировал; с 1935 года жил в Лондоне, где и умер.

Александр Карлович Метнер (1877-1961), тоже известный музыкант, остался в России. . В 1919-1953 гг. он был дирижером Московского камерного театра, написал музыку ко многим его спектаклям. В 1932-1955 гг. был профессором Московской государственной консерватории.

3. Немецкие эпитафии на Московском иноверческом кладбище на Введенских горах как исторический источник

Летопись прижизненной и посмертной судьбы людей, оторванных от земли предков, раскрывается на Московском

Иноверческом кладбище на Введенских горах. Его современное официальное название – Введенское, однако москвичи называют его Немецким. Оно было основано в 1771 году для захоронения христиан неправославных исповеданий – лютеран, католиков, реформатов и англикан. На сохранившихся старинных надгробиях преобладают надписи на немецком языке, ибо выходцы из Германии были самыми многочисленными среди нерусского населения Москвы.

На Немецком кладбище похоронены многие известные ученые, пасторы, педагоги, врачи, деятели искусства. Память об этих людях сохранилась среди ныне живущих, и памятники им – не надгробия, а научные труды, произведения искусства, семена добра и высокие идеалы, зароненные в души современников и потомков. Но в чем же тогда состоит историко-культурная ценность кладбищ? В значительной степени она заключается в эпитафиях, интересных не только для поэтов и меланхолических мечтателей, но и для историков. Как архивы хранят документы, а библиотеки – книги, так кладбища хранят эпитафии, которые являются богатейшим и неисчерпаемым историческим источником, ибо в них отразились взгляды людей на то, что испокон веков сильнее всего тревожит и мучает их, – на жизнь и смерть.

На протяжении многих столетий смерть являлась в представлениях наших предков не столько трагическим концом, сколько началом новой жизни, и жизнь земная была лишь приготовлением к ней. Отсюда взгляд на кладбище не как на «склад» праха усопших, а прежде всего место духовного воспитания живых, призванное навести на мысли о высшем смысле человеческого бытия. Эти идеи должна была внушить эпитафия, обычно в виде изречения из Библии. Цитата из Священного Писания подводила итог земного пути

усопшего, примиряла с утратой близкого человека; убеждала в том, что смерть – это избавление от земных горестей и тревог, внушала надежду на встречу в загробном мире.

Выбор изречений для эпитафий может стать предметом специального исследования. Чаще всего цитировалась Нагорная проповедь, при этом наиболее любимыми были следующие фразы: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф., 5:8); «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Матф., 5:4); «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Матф., 5:7). Мысль о том, что праведные после смерти обретут блаженство и покой, внушали и другие цитаты из Священного Писания: «Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Матф., 11:28); «Любовью вечною я возлюбил тебя и потому простер к тебе благословение» (Иерем., 31:3). Изречения из Библии указывали на главные положительные черты усопшего, причем чаще всего подчеркивались его трудолюбие и созидательная активность: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе; они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр., 14:13); «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тим., 4:7); «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, навеки, навсегда» (Дан., 12:3). Нередко цитировалось Первое послание коринфянам апостола Павла, где звучит тема любви к ближнему: «А теперь пребывают все три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше» (1 Кор., 13:13); «Любовь никогда не перестает» (1 Кор., 13:8). Случается, эпитафии не содержат характеристики усопшего, а являются наставлением и предупреждением живым: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь Ваш придет»

(Матф., 24:42).

Нередки на надгробиях второй половины XIX-начала XX века и стихи, в которых звучат те же идеи, что и в цитатах из Библии.

Эпитафии порой могут рассказать нам о духовной культуре давно ушедших поколений не меньше, чем документы и книги. Но, увы, если последние с большей или меньшей аккуратностью хранятся в архивах и библиотеках, то эпитафии полностью беззащитны перед временем и людьми. Старинные московские кладбища постепенно уничтожаются. Правда, отдельные памятники взяты под охрану (что, правда, не гарантирует их безопасности), однако критериями здесь служат высокие художественные достоинства надгробия или заслуги покоящегося под ним усопшего. Историческая или литературная ценность эпитафии в расчет не принимается. Таким образом, большинство надгробий над могилами малоизвестных людей обречено. В сложившейся ситуации выход пока один: сбор и публикация пока еще сохранившихся эпитафий Немецкого кладбища (как и других старинных кладбищ), ибо они являются историческим источником, который поможет нам глубже узнать и понять духовный мир и психологию давно ушедших поколений.

Литература

1. Fechner A.W. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd. 1, 2. М., 1876
2. Томан И.Б. Немцы в Москве: опыт национального путеводителя // Московский журнал. 1991. №10, 12
3. Томан И.Б. Московский «Лидертафель» // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. Международная научная

конференция, посвященная 850-летию Москвы. Сборник докладов. М., 1997

4. Томан И.Б. Немецкие поэты в России. М., 2010

5. Томан И.Б. Памятники истории и культуры московских немцев. М., 2013

Статья была опубликована в сборнике:

Москва гостеприимная. Люди, памятники и традиции
многонациональной Москвы. М.: Москвоведение, 2014. – С.123-158

